

Н.С. СУХОРУКОВА¹*Алтайский государственный педагогический университет***МЕТАФОРИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ В ОБРАЩЕНИИ КАК
АСИММЕТРИЧНЫЙ СПОСОБ ИМЕНОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ)**

Вторичные лексические номинации возникают в определенной коммуникативной ситуации в эмоционально окрашенной речи. Коннотация в них выражена косвенно и передается при помощи определенных понятийных признаков. Анализ асимметричных обращений, отобранных из немецкоязычной художественной литературы, показывает, что они возникают в большей степени в результате переосмысления имеющихся в языке слов на основе метафорического переноса. В современной лингвистике метафору рассматривают как способ познания мира и обращаются к концептуальной метафоре и метафорическому понятию. Ассоциации и модели, на базе которых строятся метафорические номинации, могут быть разнообразными. Особое место среди них занимает модель «животное – человек», где сферой-источником является животное, сферой-мишенью – человек.

Ключевые слова: вторичная номинация, обращение, метафора, концептуальная метафора, метафорическая модель

N.S. SUKHORUKOVA*Altai State Pedagogical University***METAPHORICAL NOMINATION IN THE VOCATIVE
AS AN ASYMMETRIC METHOD OF NAMING
(AS ANALYSED IN GERMAN FICTION)**

The derivative lexical nominations come into existence in a certain situation of communication and are emotionally coloured. The connotation is indirect and is expressed by means of some conceptual elements. The analysis of asymmetrical vocatives collected from German fiction shows that they often appear as a result of semantic change in the words already existing in German on the basis of metaphoric transfer. The metaphor is defined as the most important method of cognizing the outer world. Therefore metaphor is understood as a metaphoric concept or aconceptual metaphor. Associations and models on the base of metaphoric nominations can be various. The special place among them is occupied by the model "Animal is person", in which source domain is an animal and target domain is a person.

Keywords: derivative nomination, vocative, metaphor, conceptual metaphor,

¹ Наталья Сергеевна Сухорукова, старший преподаватель кафедры лингводидактики и второго иностранного языка Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

metaphorical model

В коммуникации нередко встречаются обращения, напрямую не указывающие на деятельность, возраст или какие-либо другие качества адресата. Это связано с тем, что знак и значение не покрывают друг друга полностью, поскольку их границы не всегда совпадают во всех точках: один и тот же знак выполняет несколько функций, в то время как одно и то же значение выражается несколькими знаками. Всякий знак является потенциально «омонимом» и «синонимом» одновременно [Карцевский, 1965, Ч.2, с. 85].

Анализ асимметричных номинаций в функции обращения показывает, что они возникают в результате переосмысления имеющихся в языке слов на основе метафорического переноса. Дж. Лакофф и М. Джонсон определяют метафору как важнейший способ познания мира [Lakoff, Johnson, 1980, p. 4]. Метафора выходит за пределы сферы языка, это явление мышления и культуры. Метафоры как языковые выражения возникают вследствие того, что они находят свое основание в понятийной системе каждого человека, метафорично само мышление, а языковые метафоры отражают это явление в речи. Следовательно, метафора – это метафорическое понятие или концептуальная метафора [Lakoff, Johnson, 1980, p.7].

Анализ концептуальных метафор базируется на основном методологическом принципе когнитивной лингвистики: на основе анализа языковых фактов формулировать заключение об устройстве сознания. Обращенность концептуального анализа в современной лингвистике к метафорическим выражениям как к инструменту изучения не только языка, но и работы сознания, является фактом лингвистики [Скребцова, 2011, с. 34]. Систематичность употребления определенных образов в соответствии с описанием того или иного явления дает возможность сделать вывод о существовании в сознании носителей языка подходящей концептуальной метафоры.

Содержание метафоры, по Дж. Лакоффу и М. Джонсону, «заключается в понимании и переживании сущности одного вида через сущность другого вида» [Lakoff, Johnson, 1980, p. 14]. В последующих публикациях эти «сущности» получили названия *сфера-источник* (*source domain*) и *сфера-мишень* (*target domain*). В рассматриваемом примере внешние признаки являются сферой-источником, человек – сферой-мишенью. Концептуальная метафора подразумевает отображение сферы-источника на сферу-мишень.

«Человек – внешние признаки».

1. „Nimm deine Flossen vom Drücker“, sagte Zumpe warnend.

„Komm, du Zwerg, mach auf“, sagte Eddie.

„Dazu hat nur der Kapitän ein Recht und der Steuermann“ [Lenz,

1983, S. 68].

В данной ситуации говорящий (Эдди) называет именуемого (Цумпе) *du Zwerg*. Обращение дает возможность предположить, что адресат был невысокого роста, указание на который содержится в значении лексемы *Zwerg* (досл. русс. "карлик"), используемой в качестве номинации. Таким образом, сравнение происходит на основе внешних данных. Кроме того, по данному обращению можно сделать вывод об отношении говорящего к адресату. Как правило, указание на физические недостатки, заключенное в коннотации существительного *Zwerg*, свидетельствует о негативном характере отношения именуемого к именуемому. В данной ситуации кроме отрицательных коннотаций прогнозируются интенции говорящего: он намерен воздействовать на адресата, что подтверждается использованием форм повелительного наклонения: *komm, mach auf*.

2. *Theo richtet sich auf und knirscht mit den Zähnen. „Ich bin viel was Schlimmeres. Ich bin ein Wolf.“*

„Ein Wolf hat keine Zahnücke, du Krautscheuche, du!“ [Strittmatter, 1974, S. 8].

Употребляя обращение *du Krautscheuche*, адресант подчеркивает свое негативное отношение и указывает на непривлекательные внешние данные, о чем свидетельствует контекст, а именно фраза «*Ein Wolf hat keine Zahnücke*». В немецком языковом сознании общее понятие *Krautscheuche* (досл. русс. "огородное пугало") связано с некрасивой внешностью, чем мотивировано его использование говорящим.

Метафора является важным механизмом культуры, так как выполняет значительные функции: является носителем существенной информации о мире и содействует пополнению имеющейся картины мира новым опытом.

Каждый народ характеризуется конкретными особенностями характера, поведения и миропонимания. И за метафорой закреплены определенные культурные коннотации, отражены характерные представления говорящих, их мнение и отношение к историко-политическим реалиям. Об этом свидетельствует следующая концептуальная метафора, в которой сферой-источником являются убеждения человека, сферой-мишенью – сам человек, выявление которых способствует пониманию культурных различий.

«Человек – его убеждения».

3. *Der Heimkehrer versteht das Spottgeizischel. „Die Rüben bleiben drin, sie schlagen doch nicht an. Die Arbeit ist umsonst.“*

„Hast du was Besseres, du russischer Apostel, du?“ [Strittmatter 1969, S. 207].

В данной ситуации разговор происходит между отцом и сыном,

который был взят в плен и некоторое время жил в Советском Союзе. Употребляя словосочетание *du russischer Apostel* (досл. русс. "ученик, последователь"), отец выражает свое негативное отношение действиями сына. При помощи данной номинации говорящий пытается задеть адресата, насмехается над тем, что он является последователем русского народа, а не придерживается заведенных порядков на своей родине.

Выбор варианта именования и контекстуальные условия указывают на интенции говорящего. Об отношении, которое является скорее негативным, что наблюдается в следующем примере, свидетельствует обращение к вышестоящему лицу, контекст «*und du gehst als zweites Pferd in der Drillmaschine*». Говорящий намеревался задеть, обидеть именуемого и указать на то, что он сидя в конторе за бумагами, не разбирается в хозяйственных вопросах и не осведомлен о том, что в действительности происходит на полях. Номинация *Tintenwischer* позволяет делать выводы относительно деятельности именуемого и отношения к нему говорящего. Семантический анализ данной лексемы, включающей *Tinte* (досл. русс. "чернила"), *wischen* (досл. русс. "вытирать"), говорит о том, что именуемый занимался бумажными делами, выполнял незначительную неважную работу в конторе. Контекст "*Bürgermeister Kaldaune*" говорит нам о высоком социальном положении человека. Употребляя данное обращение в отношении бургомистра, адресант выстраивает социальную дистанцию, подчеркивая тем самым незначительность конторского труда в сравнении с земельным. Сравнение в данном случае происходит по следующей модели:

«Человек – его деятельность».

4. *Bürgermeister Kaldaune kommt zu uns aufs Feld gestiefelt. ...*

... hol dir die Drillmaschine von der Bauernhilfe. Sie ist frei.“

„Und du gehst als zweites Pferd in der Drillmaschine, du Tintenwischer, wie?“ [Strittmatter 1969, S. 215].

Концептуальные метафоры культурно обусловлены. Они помогают выявить общепринятые средства осмысления действительности в той или иной культуре. В словарном составе каждого языка имеются особые экспрессивно-оценочные единицы, которые являются средствами вторичной номинации. Содержанием этих вторичных форм лексической номинации являются не сами факты объективного мира, а отношение к ним носителей языка. Ассоциации и модели, на базе которых строятся метафорические номинации, могут быть разнообразными. Особое место среди них занимает модель «животное – человек», где животное является сферой-источником, человек сферой-мишенью, в результате которого «образ» животного переносится на человека. Специфика употребления

зооморфизмов в качестве обращения свидетельствует о том, что языковая картина мира при ее целостности и объективности представляет собой толкование отображения мира, характерного для каждого языка.

5. „Bitte, Peter! Vertritt du mich. Und du, Spätzchen, hilf ihm. Ihr könnt das gut, ich weiß es. Ich – ich möchte jetzt allein sein. Ich kann keinen mehr sehen. Versteht ihr das?“ [Konsalik 1991, S. 12].

По отношению к ребенку и взрослому, которого любят, в немецком социуме используется ласковое слово "der Spatz" (досл. русс. "воробей"). В данной ситуации мать разговаривает со своими детьми. Употребление уменьшительно-ласкательного суффикса *-chen* в обращение Spätzchen позволяет прогнозировать ее любовь к дочери. Именованное в виде метафоры в данном случае мотивировано сравнением дочери с маленькой беззащитной птичкой.

Содержание характеристики зооморфных обращений определяется качествами, которые прибавляются этому объекту коллективным языковым сознанием. Использование названий животных для именования человека – это результат сравнения человека и животного, которое идет по нескольким планам – внешнему, внутреннему, или внешнему и внутреннему одновременно. Нередко внешние особенности животного могут не только не учитываться, но и отходить на задний план. В этом случае сравнение происходит по внутренним признакам. Анализ фактического материала позволяет выявить следующие модели метафорического переноса «животное – человек».

Поведение животного – поведение человека.

6. „Ich werd dir dein Fahrrad nicht auskaufen.“

„Doch wirst du es auskaufen. Fiedel Fimpel hat es gesagt.“

„Der Fiedel Fimpel hat ...“

„Lüge, lüge, lüge nicht, du Musedieb. Du hast das Mummelgeld genommen!“ [Strittmatter 1969, S. 150].

7. „Wir leben, Hellmuth! Was hab ich dir gesagt, du alte Unke? ...“ [Konsalik 1991, S. 43].

В данных примерах оба именованного связаны с поведением животного. Обращение *du Musedieb* выражает отрицательную оценку, что можно прогнозировать на основе второго компонента *Dieb* (досл. русс. "вор"). Номинация *Musedieb* мотивирована поведением животного: мышь совершает действия, когда ее никто не слышит и не видит.

Обращение *alte Unke* мотивировано действием, которое совершает данное животное (ворон каркает). В центре внимания говорящего оказываются не внешние особенности вороны или ее основные действия, а сравнение с субъектом, который способен

накликать / накаркать / предсказать беду. Символизация животных в определенной культуре имеет свои глубокие корни. Как подметили Ю.С. Степанов и С.Г. Проскурин "отдельные лексемы в некоторых культурных ареалах могут не восходить к одному лексическому архетипу, они тем не менее восходят к некоторому единому архетипу, который является мифологическим или культурным" [Степанов, 1993, с. 19]. Образ ворона в немецкой культуре символизирует его мистическую силу – предсказывать беду.

Иллокутивная сила следующего высказывания направлена на выражение недовольства действиями подростков. Мария назвала своих друзей трусами, потому что они побоялись выполнить определенные действия, используя при этом сравнение с зайцем, образ которого в немецком языковом сознании ассоциируется с трусостью. Тем самым актуализируется сема трусости и нерешительности, а именование выполняет скорее функцию характеристики, чем идентификации, поскольку на первый план выходит оценка именуемых и их действий.

Характер животного – характер человека.

8. Maria sah sich um und sagte resolut: „So, ihr Hasenfüße, habt ihr gesehen jetzt, so wird es gemacht ...“ [Grün 1978, S. 67].

Асимметричные обращения, основанные на метафорическом переносе, являются не только эмоционально окрашенными, но и характеризуются оценочной функцией. «Четкие и постоянные оценочные коннотации несут метафоры типа животное – человек. Цель этих метафор – приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, так как перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации. Сами названия животных оценки не содержат» [Вольф, 1988, с. 59]. Использование названий животных в качестве обращений имплицитно несет положительную или отрицательную оценку человека в зависимости от принятого в конкретном языковом коллективе отношения к данному животному, от того, какой образ он в себе воплощает.

На основе анализа оценочных значений, выражаемых зооморфными метафорическими номинациями, могут быть выделены негативно-оценочные и позитивно-оценочные именованные. Как правило, зооморфные метафоры несут отрицательную оценку. Обычно негативно оцениваются плохое поведение, пороки (жадность, глупость и т.п.), физические качества и недостатки (низкий рост, полнота и т.п.), что может быть показано на следующих примерах.

9. „Wann werdet ihr dreschen?“ fragt Bürgermeister Kaldaune den Großvater.

„Wenn das Korn drin ist, du Rindvieh“ [Strittmatter, 1969, S. 145].

10. „Na, vielleicht hast du die Motten in der Lunge und weißt von nichts“, antwortete Stanek.

„Haben sie bei euch etwas gefunden?“

„Bei Janina!“ Sie sahen an Staneks Lachen, dass es nicht ernst gemeint war.

„Schweig, du Affe!“ schimpfte Janina und schlug nach ihm[Fährmann, 1994, S. 124].

В данных примерах на первый план выходят умственные способности животного и человека, к которому обращена данная номинация. Обращение Rindvieh и Affe несут отрицательное значение, поскольку в немецком языковом сознании данные общие понятия связаны с глупостью [Duden, 2002, S. 72], [Большой толковый словарь немецкого языка, 1998, с. 814]. Негативные эмоции находят подтверждение не только в используемых обращениях, но и в контексте. Контекстуальные условия "schimpfte Janina und schlug nach ihm" (досл. русск. "Янина заругалась и замахнулась на него") подкрепляют декодирование смысла обращения как номинации человека, вызывающего раздражение своей глупостью и глупыми поступками.

Лишь немногие зооморфные метафоры имеют позитивную окраску, например, как в следующих ситуациях.

11. Ich saß auf meinem Schreibtisch und nähte. Die Frau türmte Zacken und Reisig im Hof – ein ganzes Storchennest. Ein Nest für die Brut, dacht ich, denn der Leib meines Weibes schwoll. „Gott küß dich, Taubenseele! Welchen Namen werden wir dem Ding unter deinem Busen da geben?“

Sie antwortete nicht [Strittmatter 1974, S. 334].

12. Märkte hockt in der Wächterkabine. Mampe ist gegangen. Sie hat ihn getröstet, so gut sie's vermochte. „Zeit teilt, eilt, heilt!“

Mampe-Bitter lacht. „Schnaps heizt, reizt, beizt, du Schwalbenseele!“

Mehr war Märkte wohl wirklich nicht als eine Schwalbenseele [Strittmatter 1974, S. 335].

В вышеприведенных примерах асимметричные номинации Taubenseele и Schwalbenseele содержат положительный оценочный компонент. Данные обращения характеризуют адресатов как людей добрых, кротких, «мягких» по характеру, доброжелательных. Так как в немецком языковом сознании Taube (голубь) является символом мира, Schwalbe (ласточка) – символ весны и дружелюбия.

Таким образом, при назывании человека в форме обращения с использованием наименований животных происходит, как правило, актуализация одного признака, существенного для ситуации общения. На выбор номинации влияют многие факторы, среди которых ситуация, контекст, эмоции, аксиологическая направленность именования животного (т.е. его положительный или отрицательный статус в сознании носителей языка), являющийся проекцией

культурных доминант.

Правомерно говорить о том, что обращения, основанные на метафорическом переносе, способны вносить серьезный вклад в реализацию интенций коммуникантов и в достижение ими своих целей, то есть воздействовать друг на друга. Декодирование смысла происходит в прагматическом контексте, поскольку только в этом случае можно установить, какие признаки являются релевантными для говорящего. Возникновению отрицательных и положительных ассоциаций у собеседника способствует картина мира, обусловленная культурными, историческими и другими факторами.

Подобные косвенные именования содержат точную и эмоционально окрашенную характеристику лица, которому они обращены. Метафорические номинации характеризуют адресата, выделяя его положительные или отрицательные качества, они способствуют выражению чувств, эмоциональной жизни человека в целом, формируя и обозначая при этом ценностную картину мира, а именно - оценку предметов по этическим и эстетическим нормам данного языкового коллектива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Большой толковый словарь немецкого языка: Для изучающих немецкий язык / Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Москва: Март, 1998. – 1248 с.

Вольф, Е. М. Метафора и оценка / Е.М. Вольф // Метафора в языке и тексте. – Москва: Наука, 1988. – С. 52-64.

Карцевский, С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С.О. Карцевский // История языкознания XIX века в очерках и извлечениях. Ч.2. Москва: Просвещение, 1965. – С. 85-83.

Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций / Т.Г. Скребцова. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.

Степанов, Ю. С. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия / Ю.С. Степанов, С.Г. Прокурин. – Москва: Наука, 1993. – 158 с.

Duden, das Bedeutungswörterbuch. B.10 - Mannheim:Dudenverlag, 2002. – 1104 S.

Ende, M. Momo oder Die seltsame Geschichte von den Zeit-Dieben und von dem Kind, das den Menschen die gestohlene Zeit zurückbrachte / M. Ende. – Stuttgart; Wien; Bern: Thienemann, 1993. – 304 S.

Fährmann, W. Kristina, vergiss nicht / W. Fährmann. – Würzburg: Arena, 1994. – 239 S.

Grün, M. Von der Vorstadtkrokodile / M. Grün – Rowohlt: Taschenbuchverlag, 1978. – 157 S.

Konsalik, H. G. Eine glückliche Ehe / H. G. Konsalik. – Konsalik-

Geburtstagsedition: Breitbrunn am Ammersee, 1991. – 382 S.

Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: The University of Chicago press, 1980. – 256 p.

Lenz, S. *Das Feuerschiff* / S. Lenz. – Stuttgart: Ernst Klett Schulbuchverlag, 1983. – 128 S.

Strittmatter E. *Ole Bienkopp* / E. Strittmatter. – Berlin: Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1974. – 428 S.

Strittmatter E. *Tinko* / E. Strittmatter. – Leipzig: Philipp Reclam Verlag, 1969. – 311 S.

REFERENCES:

Bolshoj *tolkovyj slovar' nemetskogo yazyka: Dlya izuchayushchikh nemetskij yazyk* / Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Moskva: Mart, 1998. – 1248 s.

Kartsevskij, S. O. *Ob asimetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka* / S.O. Kartsevskij // *Istoriya yazykoznanija XIX veka v ocherkakh i izvlecheniyakh*. Ch.2. – Moskva: Prosvetshchenie, 1965. – S. 85-83.

Skrebtsova, T. G. *Kognitivnaya lingvistika: Kurs lektsyj* / T.G. Skrebtsova. – Sankt-Peterburg: Filologicheskij fakultet SPbGU, 2011. – 256 s.

Stepanov, Yu. S. *Konstanty mirovoj kul'tury. Alfavitny i alfavitnye teksty v periody dvoeveriya* / Yu.S. Stepanov, S.G. Proskurin. – Moskva: Nauka, 1993. – 158 s.

Volf, E. M. *Metafora i otsenka* / E.M. Wolf // *Metafora v yazyke i tekste*. – Moskva: Nauka, 1988. – S. 52-64.

Duden, *das Bedeutungswörterbuch*. B.10. – Mannheim: Dudenverlag, 2002. – 1104 S.

Ende, M. *Momo oder Die seltsame Geschichte von den Zeit-Dieben und von dem Kind, das den Menschen die gestohlene Zeit zurückbrachte* / M. Ende. – Stuttgart; Wien; Bern: Thienemann, 1993. – 304 S.

Fährmann, W. *Kristina, vergiss nicht* / W. Fährmann. – Würzburg: Arena, 1994. – 239 S.

Grün, M. *Von der Vorstadtkrokodile* / M. Grün. – Rowohlt: Taschenbuchverlag, 1978. – 157 S.

Konsalik, H. G. *Eine glückliche Ehe* / H. G. Konsalik. – Konsalik-Geburtstagsedition: Breitbrunn am Ammersee, 1991. – 382 S.

Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: The University of Chicago press, 1980. – 256 p.

Lenz, S. *Das Feuerschiff* / S. Lenz. – Stuttgart: Ernst Klett Schulbuchverlag, 1983. – 128 S.

Strittmatter E. *Ole Bienkopp* / E. Strittmatter. – Berlin: Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1974. – 428 S.

Strittmatter E. *Tinko* / E. Strittmatter. – Leipzig: Philipp Reclam Verlag, 1969. – 311 S.